Л. М. ИГНАТОВЕЦ

ПРОЕКТЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ЛИЦЕЯ В БЕЛАРУСИ В 1820–1830-х гг.

Рассматриваются проекты создания лицея в Беларуси, предложенные профессором Санкт-Петербургского университета О. И. Сенковским в 1826 г. и попечителем Белорусского учебного округа Г. И. Карташевским в 1830 г., и причины, затруднявшие его открытие. Окончательный отказ от открытия лицея был обусловлен созданием в Киеве Университета св. Владимира, а инициатором этого решения выступил министр народного просвещения С. С. Уваров.

The article deals with projects of establishment of a lyceum in Belarus, which were offered by the professor of Saint-Petersburg University O. Senkovski in 1826 and by the curator of the Belarusian school district G. Kartashevskii in 1830, and with the reasons, which made the opening of a lyceum impossible. The conclusive decision about non-opening of a lyceum was taken because of the establishment of the university in the name of St. Vladimir in Kiev. The mover of this decision was the minister of education S. Uvarov.

Вопрос о предполагаемом учреждении в Орше в 1830-х гг. высшего учебного заведения (лицея) неоднократно отражался на страницах отечественной историографии. Исследователи фокусировали внимание в основном на факте отмены решения об учреждении лицея в Орше, выдвигая предположения о причинах принятия этого решения: недостаток финансовых средств, боязнь по политическим мотивам иметь в белорусских губерниях высшее учебное заведение, нерешительность попечителя Белорусского учебного округа Г. И. Карташевского в вопросе учреждения лицея[1]. Затрагивались вопросы о том, кому принадлежала идея учреждения в белорусских губерниях лицея и какова была его планируемая структура[2]. Но истинные причины того, почему лицей не был открыт, так и оставались на уровне предположений. Данная статья восполняет этот пробел в историографии, касающейся истории высшего образования в Беларуси.

Предложение об учреждении для населения двух белорусских губерний (Витебской и Могилевской) высшего учебного заведения впервые выдвинул профессор Санкт-Петербургского университета О. И. Сенковский, исполнявший в 1826 г. функции визитатора учебных заведений этих губерний, входивших в то время в состав Санкт-Петербургского учебного округа. По итогам визитации О. И. Сенковский разработал «Проект общего преобразования белорусских училищ», согласно которому система просвещения в Витебской и Могилевской губерниях приобретала определенную автономию в составе Санкт-Петербургского учебного округа. Ключевую роль в этой системе должен был играть лицей, который выполнял бы не только образовательную функцию, но и административную, подобно университету в учебном округе[3].

Лицей, по мнению О. И. Сенковского, – это «высшее учебное заведение, одним только градусом ниже университета», обучение в нем должно было быть продолжением гимназического образования. В лицее предполагалось три курса, которые состояли бы из тех же предметов, что преподавались в университете, за исключением метафизики, политической экономии, права естественного и народов как предоставленных только университетам. На первом курсе изучались бы общие предметы: логика, география, статистика, языки и некоторые разделы математики. Со второго курса О. И. Сенковский предлагал ввести профильное обучение («математические и физические науки»; «нравственные и словесные науки») с тем, чтобы сориентировать выпускников к поступлению на соответствующий факультет университета или на определенную профессиональную деятельность, если у выпускника не было возможности продолжать обучение в университете. Введение профильного обучения в лицее О. И. Сенковский полагал «столь же естественным, как и необходимым», так как считал, что «нет ничего пагубнее для молодых людей, ничего противнее пользам просвещения и вреднее успехам наук в государстве, как сие множество учебных предметов», изучать которые в высших учебных заведениях обязывали воспитанников. Все это приводило к тому, что выпускник заканчивал учебное заведение, «не имея надлежащих познаний ни в одном предмете, не чувствуя ни к одной науке той пламенной любви, которая по всем частям делает великих мужей и знаменитых ученых, и не умея сказать положительно: что такое он знает и к чему преимущественно считает себя способным. С пагубною роскошью полупознаний… без решительного расположения к одному какому-либо роду занятий, или без особенного к оному приуготовления, оказавшись ко всему неспособным, он был бесполезен и себе, и отечеству»[4].

Имея в виду бедность местного дворянства, О. И. Сенковский предполагал, что многие его представители ограничат свое образование лицеем, именно поэтому он считал целесообразным углубить изучение некоторых предметов уже в лицее с тем, чтобы его выпускники оказались более-менее подготовленными к занятию определенным видом деятельности, в том числе связанным с государственной службой. Необходимо отметить, что доля местных уроженцев в государственном аппарате составляла на губернском уровне чуть более 50, а на уездном – около 80 %. Однако образовательный ценз чиновников был очень низким (поскольку большинство из них ограничивались только домашним образованием), что негативно сказывалось на их компетентности и исполнительности[5].

Таким образом, само правительство было заинтересовано в поднятии образовательного уровня местных чиновников, следовательно, в открытии лицея.

Во главе управления лицея и всей системы образования в Витебской и Могилевской губерниях О. И. Сенковский считал необходимым поставить человека «не только знающего и способного, но и такого, который отличным воспитанием, нравственными качествами и чином своим мог бы заслужить к себе уважение и доверие тамошнего дворянства»[6]. Местом основания лицея должен был стать г. Витебск как наиболее удобный по расположению.

Таким образом, по проекту О. И. Сенковского лицей являлся ослабленным вариантом университета и выполнял в пределах Витебской и Могилевской губерний ту же роль, какая принадлежала университету в учебном округе. По сути, О. И. Сенковский предлагал создать из Витебской и Могилевской губерний небольшой учебный округ в составе Санкт-Петербургского учебного округа и назначить для него особого попечителя.

Итоги визитации профессором О. И. Сенковским учебных заведений двух белорусских губерний и разработанный им проект устройства системы образования в этих губерниях рассматривались не только на уровне руководства Санкт-Петербургского учебного округа, но и стали предметом внимания Комитета устройства учебных заведений. Совет Санкт-Петербургского университета и Комитет устройства учебных заведений поддержали идею О. И. Сенковского об учреждении лицея. В вопросе автономии Витебской и Могилевской губерний комитет пошел дальше предложений О. И. Сенковского и на заседании 19 ноября 1828 г. принял решение изъять эти губернии из ведения Санкт-Петербургского учебного округа и назначить для них особого попечителя, которому поручалось разработать собственный план устройства системы образования этих губерний, в том числе и лицея, и принять меры по его открытию к тому моменту, когда выпускники гимназий, преобразованных согласно уставу 1828 г., будут готовы «к слушанию высших наук»[7].

Согласно указу от 17 января 1829 г. Витебская и Могилевская губернии образовали отдельный учебный округ, получивший название Белорусский. Первому его попечителю Г. И. Карташевскому было поручено учреждение в округе лицея. По мнению попечителя, лицей должен был состоять из четырех кафедр: словесности, исторических, физико-математических наук и прав, обучение на которых обеспечило бы получение знаний, необходимых для разных родов гражданской службы[8].

Открытие лицея позволило бы решить ряд проблем. Во-первых, у местного дворянства отпала бы необходимость отправлять своих детей в отдаленные русские университеты или в Виленский университет. Последний вариант был нежелателен и по идеологическим мотивам: учебный процесс в Виленском университете был полностью полонизирован и это могло бы серьезно девальвировать усилия правительства по развернувшейся в то время деполонизации белорусских губерний. Во-вторых, лицей мог бы выполнять по отношению ко всем другим учебным заведениям округа административно-управленческую функцию, подобно университету в прочих учебных округах. В-третьих, в лицее могла бы осуществляться подготовка педагогических кадров, что могло устранить существовавший в Белорусском учебном округе дефицит учителей.

С целью обнадежить дворянство белорусских губерний по поводу возможности в ближайшем будущем получать высшее образование у себя на родине Г. И. Карташевский просил министра народного просвещения обнародовать решение о планируемом учреждении в Белорусском учебном округе лицея, что и было отражено в указе от 9 сентября 1830 г.

После закрытия в мае 1832 г. Виленского университета и присоединения тогда же Виленской и Гродненской губерний и Белостокской области к Белорусскому учебному округу (Минская губерния была присоединена в январе 1831 г.) необходимость учреждения высшего учебного заведения в Белорусском учебном округе стала еще более актуальной, так как показатель спроса на высшее образование у населения Северо-Западного края был самым высоким в Российской империи. Например, в 1830 г. в Виленском университете обучалось 1322 студента, а в Московском, втором по численности, только 814[9].

Согласно указу от 1 мая 1832 г. лицей повелевалось учредить в Орше, как предложил Г. И. Карташевский. Определяющим критерием при выборе этого уездного города в качестве центра высшего образования для западных губерний было наличие в нем достаточного количества зданий, пригодных под лицейские корпуса и могущих составить «одну нераздельную усадьбу». Ни в Витебске, ни в Могилеве незанятых (или условно свободных) комплексно расположенных зданий не находилось. Орша в этом отношении обладала на первый взгляд видимым преимуществом. Еще в 1829 г. в ведомство Министерства народного просвещения было передано здание Оршанского поиезуитского монастыря для устройства в нем уездного училища. На одной площади с ним находился еще один католический монастырь тринитарного ордена (по мнению попечителя, «излишний при других

римско-католических монастырях»), строения которого могли быть приспособлены под лицей. В том же месте находилось незадействованное здание присутственных мест, которое бывший могилевский гражданский губернатор М. Н. Муравьев беспрепятственно мог отдать под учебное заведение. Кроме того, Г. И. Карташевский указывал и на строения базилианского монастыря, которые в случае необходимости в русле правительственных мероприятий по сокращению числа католических и униатских монастырей можно было также обратить под лицейский корпус. Помимо наличия условно пригодных зданий для помещения лицея Орша, по мнению Г. И. Карташевского, обладала еще одним преимуществом – она располагалась на пересечении двух главных путей сообщения: из Санкт-Петербурга в Украину и из Москвы в Литву и Царство Польское[10].

Вместе с тем предложение об учреждении лицея в Орше уже изначально предопределяло возникновение ряда сложнейших проблем, и прежде всего кадровых. Во-первых, на тот момент в Орше не было даже гимназии, в силу чего местные педагоги оказывались непригодными к преподаванию в лицее. Во-вторых, переезд в небольшой уездный город западной губернии (город, не имевший традиций высшего образования) большой группы университетских преподавателей из центральной России был маловероятен (даже обеспечение гимназий Белорусского учебного округа выпускниками российских университетов или учителями из внутренних российских губерний, как того требовало правительство в целях русификации учебного процесса, вызывало большие трудности). В-третьих, привлечение преподавателей закрытого Виленского университета представлялось идеологически нецелесообразным: их лояльность вызывала у правительства обоснованные сомнения, так как пятая часть их питомцев (студентов Виленского университета) приняли участие в восстании 1830–1831 гг. Более того, некоторые преподаватели также примкнули к восставшим и вынуждены были эмигрировать.

Именно поэтому белорусский генерал-губернатор Н. Н. Хованский находил совершенно неудобным основать высшее учебное заведение в «безлюдном городе, где нет порядочного общества и где губернское начальство не будет иметь глаз»[11], ведь он (генерал-губернатор) в первую очередь отвечал за общественный порядок в подведомственных ему губерниях. Кроме того, генерал-губернатор имел собственные виды на здания в Орше. Поскольку Орша занимала военную позицию, то Н. Н. Хованский хотел разместить в освобождавшихся монастырских зданиях «постоянный первоклассный госпиталь». Даже после утвержденного императором места расположения лицея генерал-губернатор предпринял попытку изменить это решение в пользу Витебска. Под лицейские корпуса в Витебске Н. Н. Хованский предлагал отдать: а) здания губернской гимназии и уездного училища; б) корпус присутственных мест, находившийся на одной площади с гимназией; в) строения бернардинского монастыря, подлежавшего упразднению; г) дом гражданской палаты, располагавшийся вблизи монастыря[12].

Под влиянием доводов генерал-губернатора Г. И. Карташевский изменил свое мнение по поводу места основания высшего учебного заведения. Определяющим аргументом для него было то, что учреждение лицея в Витебске обойдется «несравненно дешевле и может скорее быть приведено к окончанию»[13].

Министр народного просвещения К. А. Ливен в докладной записке императору, датированной 24 сентября 1832 г., доложил о намерениях Н. Н. Хованского, на что Николай I ответил: «Так как к. Хованский никакого права не имеет отменять мои распоряжения, то оставить по-прежнему»[14]. Министр, в свою очередь, просил Г. И. Карташевского «о деятельном продолжении распоряжений… к скорейшему по возможности исполнению Высочайшего повеления об учреждении высшего училища в Орше»[15]. В помощь попечителю была создана специальная комиссия из членов Комитета устройства учебных заведений, которая должна была разработать предложения о структуре лицея. Как было указано, первоначально Г. И. Карташевский полагал учредить в лицее 4 кафедры: словесности, исторических наук, физико-математических наук и прав. Комиссия же предложила учредить в лицее два факультета – философский и юридический, которые бы полностью соответствовали подобным факультетам в университете (за исключением преподавания в них восточных языков). В связи с практически полной идентичностью с университетскими факультетами и ввиду общепринятой классификации учебных заведений комиссия предложила назвать высшее учебное заведение в Орше не лицеем, а Белорусским университетом, на что император ответил: «В Орше быть лицею, а не университету»[16].

Ситуация с открытием лицея в Орше практически зашла в тупик после осмотра оршанских зданий инженером корпуса путей сообщения капитаном Платоном (найти хорошего архитектора оказалось настоящей проблемой), который вынес заключение о том, что для лицея нужно строить новое здание, а монастырские строения могли быть использованы в лучшем случае для квартир преподавателей и чиновников, но и для этой цели они не могли прослужить долгое время. Причиной неудов-

летворительного состояния зданий, предназначавшихся для лицея, были выявленные ошибки при первоначальном строительстве зданий и нерадивое отношение к поддержанию их в функциональном состоянии. По мнению Платона, в этих зданиях удобнее было бы расположить казармы, на что не потребовалось бы столь значительных издержек, какие необходимы были для «другой предположенной цели»[17]. Кроме того, как выяснилось позднее, здание Оршанского тринитарного монастыря, согласно высочайшему повелению от 5 октября 1832 г., было передано Могилевской епархии для помещения Кутеинского монастыря[18].

Таким образом, отсутствие в этом городе необходимой инфраструктуры лицея – в первую очередь подходящих зданий – требовало привлечения значительных финансовых средств. В качестве источников финансирования лицея рассматривались доходы с эдукационного фундуша (поиезуитских имений), за счет которых содержались учебные заведения Виленского учебного округа, и часть доходов с имений упраздненных римско-католических и униатских монастырей. Однако при составлении сметы ежегодных доходов и расходов этого капитала выяснилось, что он практически весь поглощался финансированием действовавших учебных заведений[19], а Министерство народного просвещения не располагало необходимыми денежными средствами на строительство зданий лицея, так как в 1830-х гг. правительству пришлось столкнуться с очень серьезными финансовыми затруднениями, что привело к возрастанию дефицита общегосударственного бюджета[20].

Обо всех существовавших проблемах министр народного просвещения С. С. Уваров доложил императору 21 февраля 1834 г. и выразил сомнение «насчет необходимости и даже пользы учреждения ныне в Орше лицея». С. С. Уваров утверждал, что параллельное финансирование строительства зданий лицея в Орше и Университета св. Владимира в Киеве (учреждение этого университета он считал делом всей своей жизни), а также определение в одно время в два высших учебных заведения достойных преподавателей «потребовало бы слишком значительных усилий, между тем как успех был бы весьма сомнительный». Он признавал, что до учреждения Университета св. Владимира была очевидная необходимость учредить в Белорусском учебном округе высшее учебное заведение, которое должно было заменить Виленский университет и служить «центральным пунктом для всего тамошнего края», но с учреждением университета в Киеве эта необходимость отпала, так как он стал центром высшего образования «для всех от Польши возвращенных губерний и даже для белорусских». «В противном случае, – продолжал С. С. Уваров, – в не весьма большом расстоянии находились бы два высших училища равно неполные, равно нуждающиеся в средствах… и каждое из оных имело бы слишком ограниченный круг действий». В связи с этим министр просил императора направить определенные для лицея в Орше средства на потребности Университета св. Владимира в Киеве. Кроме того, министр привел императору и соображения идеологического порядка. Он утверждал, что Киев – первый центр государственности восточных славян – должен был служить напоминанием об общих корнях населения тех территорий, которые некогда составляли Киевскую Русь, и таким образом способствовать национально-культурному сближению населения западных губерний с великорусскими[21].

И хотя Николай I изначально активно поддерживал идею учреждения лицея в белорусских губерниях, он положительно воспринял доводы министра и уже через неделю, 28 февраля 1834 г., был издан указ «Об отмене устроения в Орше лицея, с употреблением назначенных на возведение зданий онаго сумм на потребности Университета св. Владимира»[22]. После этого решения вопрос об открытии в Белорусском учебном округе высшего учебного заведения даже не актуализировался.

Таким образом, можно констатировать, что к отказу от создания лицея привел комплекс причин как объективного, так и субъективного характера:

– неудачный с точки зрения материальной базы, кадрового потенциала и образовательных традиций выбор Орши в качестве места функционирования учебного заведения такого уровня;

– нежелание императора менять свое решение о месторасположении лицея – мотивированный отказ от его открытия оказался комфортнее, чем изменение решения о дислокации;

– отсутствие в Белорусском учебном округе финансовых средств, необходимых для создания в Орше требуемой инфраструктуры лицея;

– проблемы с формированием преподавательского корпуса лицея;

– наличие идеологического преимущества Киева, который традиционно рассматривался как первый центр государственности восточных славян и источник православия на Руси.

Вместе с тем следует согласиться с высказывавшейся в отечественной историографии негативной оценкой решения об отказе от открытия лицея в Орше – это решение, особенно после закрытия Виленского университета, существенно снижало возможности получения высшего образования жителями не только Витебской и Могилевской, но и других западных губерний Российской империи.

[1] См.: Копцік Ю. «…учредить в белорусском городе Орше высшее учебное заведение» // Беларуская мінуўшчына. 1996. № 5. С. 34–35; Стрельцов П. О. О высшем учебном заведении в Северо-Западном крае. Витебск, 1901; Пічэта У. І. Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым. Мінск, 1991; Красовский Н. И. Высшая школа Советской Белоруссии. 2-е изд. Минск, 1972. С. 29.

[2] См.: Самусік А. Ф. Праекты арганізацыі ліцэяў на Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя // Адукацыя і выхаванне. 1996. № 10. С. 26–30; Он же. Ліцэі на Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя: праекты і рэчаіснасці // Научно-исследовательская и методическая работа в средних и высших учебных заведениях: проблемы, поиски, решения. Минск, 1997. С. 107–110; Касмылёў В. С. Да гісторыі вышэйшых навучальных устаноў на Беларусі // Наш радавод. Гродна, 1991. Кн. 3. Ч. 2. С. 347–351.

[3] См.: Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ). Ф. 567. Оп. 2. Д. 2255. Л. 250 об., 251 об.

[4] Там же. Л. 252 об., 256.

[5] См.: Киселев А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. Минск, 2007. С. 84.

[6] ГИАЛ. Ф. 567. Оп. 2. Д. 2255. Л. 262.

[7] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 66. Д. 6. Л. 308.

[8] См.: Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 3157. Оп. 1. Д. 9. Л. 18 об.

[9] См.: Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время. СПб., 1999. С. 219.

[10] См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 81. Л. 8–10.

[11] Там же. Л. 10 об.

[12] Там же. Л. 114–114 об.

[13] Там же. Л. 115–115 об.

[14] Там же. Л. 124.

[15] Там же. Л. 127.

[16] НИАБ. Ф. 3157. Оп. 1. Д. 161. Л. 145 об.

[17] РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 81. Л. 230–254 об.

[18] Там же. Л. 244.

[19] См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. 1825–1839. 2-е изд. СПб., 1875. С. 554–560.

[20] См.: Рождественский С. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902. С. 232.

[21] См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 81. Л. 255–259.

[22] См.: Сборник постановлений... С. 752–753.

Поступила в редакцию 16.02.12.

Людмила Михайловна Игнатовец – аспирантка кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени В. А. Теплова.

Т. Г. ЛЮБАВИНА

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕТСКИХ ДОМОВ В БССР (1954–1964)

Посвящена проблемам материального обеспечения детских домов БССР в период с 1954 по 1964 г. Рассматриваются условия проживания воспитанников, уровень обеспечения детских домов необходимыми промышленными товарами и техническими средствами. Анализируется деятельность государственных органов по развитию и реформированию системы снабжения детских домов промышленной продукцией.

The article is sanctified to the problems of the material providing of child's houses of BSSR in a period from 1954 to 1964. The terms of residence of pupils, level of providing of child's houses the necessary manufactured goods and technical equipment, are examined. Activity of public organs is analyzed on development and reformation of the system of providing of child's houses with industrial products.

Материальное обеспечение детей-сирот и создание благоприятных условий для их жизни, развития и воспитания всегда являлось первостепенной задачей для советского правительства. В период с 1954 по 1964 г. заметно расширились социальные гарантии в области детства, что оказало немалое влияние на работу детских домов. Совет Министров и Министерство просвещения БССР взяли курс на реализацию программы по совершенствованию системы обеспечения детей, находящихся под опекой государства.

Одним из важнейших направлений курса стало укрепление материальной базы детских домов и создание комфортабельных условий проживания. Решение данной задачи предполагало увеличение жилой площади детских домов, проведение капитального ремонта, строительство новых зданий. Почти во всех детских домах республики остро стояла проблема нехватки жилой площади. Она возникла еще в первое послевоенное десятилетие, когда тысячи детей потеряли родителей и пополнили контингент воспитанников детских домов. В результате детские учреждения оказались переполненными. Ситуация с течением времени постепенно менялась в лучшую сторону (строились новые здания детских домов, большое количество детей было принято на воспитание в семьи), но к середине 1950-х гг. проблема не была окончательно решена.

С 1954 г. процесс расширения жилой площади детских домов значительно ускорился. Причиной тому в первую очередь было сокращение контингента детей (например, в том же году около 5000